

Культура. —
2000-018-24
мая. — С. 4

Матушкин сон

Беды и победы Камерного театра

Это сегодня Михаил Бычков, создатель и художественный руководитель Камерного театра, может чувствовать себя победителем. Жюри ежегодного областного театрального конкурса "Событие сезона" (воронежская мини-"Маска") вынесло справедливый вердикт: считает Бычкова лучшим режиссером сезона, поставившим лучший же спектакль "Дядюшкин сон" по Ф. Достоевскому. Еще четыре номинации выиграл тот же Камерный: лучшую женскую роль сыграла Т. Кутихина — Москалева, мужскую — А. Абдулаев — Князь К., роль второго плана — Н. Шевченко — Настасья Петровна, а лучшим художником признан Ю. Гальперин. Выиграть в шести престижных номинациях — это, согласитесь, успех. Но еще вчера последняя по времени премьера Камерного едва не стала действительно последней.

Квартирный вопрос

Камерный театр оказывался под угрозой закрытия уже неоднократно. При том, что он на сегодняшний день является, пожалуй, наиболее популярным и любимым коллективом у воронежской публики. Она здесь "своя", на девяносто процентов состоящая из студенчества, и немногие театры могут этим похвастаться. Но проблема в том, что единственным капиталом Камерного являются таланты — актеры, режиссер, художники. Это, конечно, немало, учитывая известный постулат, что таланту следует быть голодным и бездомным, а творить можно якобы и на коврике. Только не устарели ли эти формулы?

Афиши театра украшены девизом-слоганом: "Камерный — это территория вашей души". Вот уже несколько лет эта самая душа обитает на чуждой ей территории, отвоёвав себе уголок в городском Дворце культуры им. К. Маркса. "Уголок", впрочем, неплох и визуально напоминает знаменитый подвал столичной Табакерки: гардероб, совмещенный с буфетом на 3 — 4 столика, крошечное фойе с эскизами на стенах, небольшой залчик с несколькими рядами кресел и мини-сценой. Залчик всегда забит до отказа, сидят даже на ступеньках прохода. Зрители чувствуют себя комфортно, если, конечно, не учитывать порой гремящую в унисон спектаклю дискотеку, да и общественный ту-

алет по контрасту с театральным уютом способен вогнать в шок.

Актерам повезло меньше, а техническим службам не повезло совсем, поскольку закулисная часть практически отсутствует. Негде хранить декорации и костюмы, нет своего транспорта и, само собой, средств на постановочные расходы. И это при том, что с недавних пор одним из соучредителей театра является городская администрация.

Впрочем, так или иначе, но эти проблемы знакомы сегодня многим театрам, которые упрямо учатся выживать в новых "предлагаемых обстоятельствах", не идя на прямые конфликты. В Камерном почти отчаялись и... забастовали. А непосредственной причиной послужило упорное нежелание местных властей выделить ведущей актрисе театра Татьяне Кутихиной давным-давно обещанную квартиру. Ну, право же, сколько можно скитаться с ребенком по чужим углам? Актриса подала заявление об уходе. А поскольку на ней держался практически весь репертуар, Бычков объявил, что Камерный театр прекращает играть спектакли. Конечно, можно сказать, что незаменимых нет, но куда деться, если режиссеру нужна эта и только эта актриса? И тут же заговорили, что сам он намерен податься в Краснодар, где его готовы принять с распростертыми объятиями.

Опечалилась публика, растерялись артисты, местная пресса забила в набат, известные представители городской интеллигенции сочиняли письма "в защиту и поддержку". Короче, Камерный отстоял. Сейчас уже понимаешь, что вряд ли Бычков рискнул бы пойти на такой радикальный шаг. Скорее всего, это был жест отчаяния вроде пресловутого стука каской об асфальт, предупредительная забастовка. Принесла ли она свои плоды? Весьма сомнительно, хотя время покажет. Но очередная доза обещаний была щедро выделена по поводу и нового помещения, и финансирования, и транспорта.

А что же Т. Кутихина? Ее вновь заверили, что квартире непременно будет, и даже свозили на место, где... собираются строить дом. Пока же там пустырь. Она вновь поверила.

Ох уж этот квартирный вопрос. Как хорошо он знаком и актерам, и целым коллективам Воронежа. Уже не один сезон за-

крыто на бессрочный ремонт историческое здание кольцовского академического. В новом же, больше похожем на ангар, ни трупа, ни зрители как-то не прижились. Да и работает там только Малая сцена. Одна заслуженная артистка из соседнего коллектива много лет жила прямо в театре, вырастила там дочь и только теперь смогла прикупить десятиметровую клетушку в частном секторе без удобств, где спать приходится на полу, потому что две кровати поставить негде. Каково ей возвращаться туда после ежевечернего успеха и аплодисментов? А сколько актеров, уже в возрасте, киснут по казенно-унылым общежитским комнатам, терпеливо ожидая "милости" и уже ни на что не надеясь?.. Это в столице театры как-то решают подобные проблемы — покупают жилье или оплачивают его аренду. В провинции такое случается значительно реже.

Одна радость — Камерный вновь работает и собирает аншлаги.

Что наша жизнь? Игра

И они играют, несмотря ни на что, умудряясь создавать в подобных условиях "события сезона".

М. Бычков поставил "своего" Достоевского, собственноручно инсценировав забавный анекдот "Дядюшкиного сна" и превратив его в "скверный". История получилась, конечно, временами смешная, но куда больше жесткая, саркастическая, с вкраплениями звериной какой-то мистики. Обитатели Мордасова и впрямь существа странные, с обликом получеловеческим. Вытесая осой Мария Александровна Москалева — Т. Кутихина, жужжит, жалит, глазки острые, колочные. Но туда же — глядит в Налолеоны, изысканного фасона шляпка тянет на знаменитую треуголку. Постаревшим воробьем скачет дядюшка — А. Абдулаев, грудь вперед, да тонкие ножки все норовят подогнуться. Правда, кажется ему — сейчас орлом взлетит. Не в старческом маразме этот князь К. — в глубоком детстве. А Афанасий Матвеевич — А. Миросников — ну прямо баран бараном: кудряв, крутолоб, и везде ему мерещатся новые ворота. Лают, рычат, скалятся кумушки Анна Николаевна — Н. Шевченко и Наталья Дмитриевна — М. Гулямова, в полумраке травят Мозглякова.

А если не зверь, так кукла, манекен с моторчиком. Зина — Е. Лукиных, Буратино в костюмчике Пьеро, уткнется в Шекспира да сигареткой пыхнет. Или примется перед дядюшкой плясать как заведенная. Возлюбленный ее Вася — А. Иванников выскакивает, как ярмарочный Петрушка, из всяческих оконцев и ящичков, тоже знаток Шекспира, декламирует "с выражением". А уж Настасья Петровна — Н. Шевченко и вовсе существо невообразимо-нелепое: пузо вперед, на голове пакия, брови брежневские. Вышагивает гренадером Карпухина — Н. Когул, а то грязный платок из-за обшлага достанет да представит всем, как на балу с шалью танцевала. Разве что Мозгляков — А. Новиков больше на человека похож, да только вертит им Москалева все равно что куклой.

И вся эта механическая фантазматория бьется на крошечном пятнышке москалевского дома (декорации и костюмы Ю. Гальперина). Да и дом-то кукольный: все в нем живет, то и дело открывается, стучит, выдвигается, только успевай заглянуть.

Но поставить "кукольный" спектакль — дело нехитрое. И вряд ли стал бы он "событием", ограничься Бычков такой одномерной трактовкой. Ближе к финалу все на этих манекенах начинает трещать по швам, и оттуда — вдруг живой человеческий взгляд, большой и искренний, цемчащая интонация, простой и понятный жест.

Но Бычков трезво не спешит выводить своих героев из замкнутого и заколдованного круга. Более того, он в этот круг их безжалостно возвращает. И они и впрямь обреченно вертятся, мать и дочь, сидя на узких скамеечках, то одна, то другая мелькая в дверном проеме. Никого нет. Только призрак — Вася прокличит им что-то из "Гамлета" про Офелию и монастырь, про людей и зверей. А им останется слушать — выхода из круга нет, городок Мордасов живуч и вечен.

Не умаляя заслуг Михаила Бычкова, стоит сказать, что на "Событии сезона" конкурентов у его спектакля не было, в номинации присутствовал только "Дядюшкин сон". Но если в городе такое событие — единственное, то, может, все-таки стоит помочь его создателям?

Ирина АЛПАТОВА